

На прошлой неделе Театр молодежи Литвы вернулся из Болгарии, выступив с новым и бесспорным успехом на «Фестивале молодежи», проходившем в городе Сливене. Сразу после приземления самолета в Шереметьево-2, главный режиссер Театра молодежи Дадя Тамулявичюте согласилась ответить на вопросы корреспондента «СК», рассказать о фестивале, о работе театра, но сразу считавшегося сегодня одним из наиболее интересных коллективов страны.

Д. Тамулявичюте: Это был не совсем обычный театральный фестиваль, его главные организаторы — молодые энтузиасты. Театральная молодежь Болгарии, взяв инициативу и все организационные хлопоты на свои плечи, решила провести творческую встречу молодых актеров и режиссеров. И вот в небольшом городке пять дней подряд шли спектакли — много гостей из разных стран, каждодневные дискуссии о роли молодежи в современном театре, обмен идеями и впечатлениями...

— Мы показывали спектакль Э. Некрошоса «Квадрат» в Сливене и потом дали еще два представления в Софии, в учебном театре. Нас предупреждали (да мы и сами видели), что в Болгарии не так уж высока театральная посещаемость, но «Квадрат» шел на удивление хорошо. Зрители понимали наш художественный язык, они уже знали Некрошоса, знали театр.

— Это, по-моему, неудивительно. Хотя у Театра молодежи Литвы пока еще не было больших зарубежных гастролей, — он, по-моему, уже «заочно» имеет довольно широкую известность и за пределами нашей страны.

— Не знаю, может быть... Есть у нас известность или нет, и насколько она заслуженна — покажут, видимо, в какой-то мере предстоящие гастроли в Соединенных Штатах.

— Пусть так. Но вот о чем хотелось бы спросить: можно ли, по вашему мнению, говорить сейчас об общем подъеме, общем движении литовского театра или те отличные спектакли, которые уже несколько лет подряд заставляют говорить о себе критиков, это отдельные вершины и локальные завоевания?

— Мне трудно ответить однозначно. В каждом театральном деле есть свои проблемы, свои удачы и неудачи. Но мне кажется, у нас, в Литве, возникли какие-то новые, очень большие зрительские требования к театру. Театр не может их не чувствовать и старается на них откликаться.

Интересные спектакли были и раньше. Но зритель в большинстве своем отворачивался к театру с несколько равнодушной снисходительностью: можно смотреть, а можно и не смотреть. Отношения театра и публики существенно изменились лет пять, может быть, восемь назад — и почти всюду. Успех,

аншлаги, ночные очереди за билетами — этот подъем говорит об особом общественном значении театра, и он, конечно, очень стимулирует творческое движение. Ведь ни актер, ни театр не могут сформировать и проявить свое лицо, если нет увлеченного зрителя, если нет ответственности перед людьми, рвущимися в театр.

Очень важно, что мы, пусть споря, иногда конфликтуя, находили общий язык со своим Министерством культуры,

новые отношения между зрителем и театром, фундаментом был заложен Ю. Милтынисом в Панаевежском театре, уже в послевоенное время. Милтынис сделал для литовского театра, может быть, больше, чем кто-либо другой. Вообще, это была удивительная генерация в культуре — Милтынис в театре, Авижюс и Тильвинтис, Балутис и Симонайтис в литературе, Микенас в изобразительном искусстве, Рачюнас в музыке... Это были

глубокие. Народные театральное творчество — в свадебных играх, в театрализованных обрядах, сохранившихся в литовской деревне, в народных представлениях. Понимаете, когда спектакли не получались, очень удобно было оправдываться тем, что, дескать, у зрителя нет «генетической» тяги к театру, он де неметерменентен, холодеет... Но это же совершенно неправда! Когда театр интересен — сразу обнаруживается и темперамент, и лю-

за. И мы все своей работой, своими спектаклями стараемся этому противостоять, стараемся будить в человеке духовное начало. И очень важно, что мы можем делать это несистемно — по крайней мере в последнее время. Ведь были же годы, когда, горю о любви к своей земле, о том, что традиции нужно беречь, можно было прослыть националистом. Ведь любовь к земле и национализм — это совершенно разные вещи. И хорошо, что сейчас, стремясь к подлинной традиции, подлинной культуре, мы стараемся их не путать. Можно даже сказать так: возможность свободно любить свою землю, право свободно говорить об этой любви — оно как раз и дает гарантию того, что национальное чувство не примет уродливой, искривленной формы. У нас есть эта возможность и это право. И самое главное, что только нояв себя, свою культуру, можно плодотворно обращаться к иным проблемам и к иным традициям, можно жить не только для себя самого. Ведь вот спектакли Некрошоса «Пирсманна», или «И долгие века длится день», или «Дядя Ваня» — это же очень «литовские» спектакли, правда?

— Ну конечно. Хотя они столь же «литовские», сколько «всемирные», никому не чужие — так и должно быть, мне кажется. Но развитие литовского театра в нашем разговоре представляется что-то уж слишком безоблачным — для вас, для вашего театра хотя бы, действительно так ясно все перспективы, понятны цели, не стеснены возможности?

— Что вы, конечно, проблемы есть, очень серьезные. Самое главное для нас сегодня — это выдержать испытание успехом, не утратить того, что нас объединяет, не превратиться в труппу «звезд». Может быть, сильной тенденцией к этому пока и нет — но кто знает, что будет завтра?

А если говорить об общих проблемах — почти все проблемы, возникающие в духовной жизни страны, касаются и Литвы: здесь нет «своего» и «чужого». Сейчас человеку особенно важно понять самого себя, понять: кто я? какое мое место в жизни? какими моими способами реализоваться в жизни и не разрушить ли она меня самого? Если раньше, мне кажется, человек больше думал о том, как ему устроиться в жизни, то теперь он задумывается о цене этой «устроенности».

Особую остроту эти проблемы для молодежи. Я не думала, не знала, пока не столкнулась сама, что они с такой болью принимают все дурное в нашей жизни, что они так болезненно реагируют на фальшь. Фальшь они не выносят. И переживают все с такой силой, с такой непоколебимой искренностью! Нужно очень много труда, чтобы между нами было полное доверие.

Беседу вел

А. СОКОЛЯНСКИЙ.

ИНТЕРВЬЮ
У ТРАПА

ТОКИ МЕЖДУ СЦЕНОЙ И ЗАЛОМ

могли выбирать и ставить ту драматургию, которую хотели. Это, пожалуй, самое главное: у нас было, о чем сказать зрителю. И зритель знал, что спектакли ставятся не для галочки, а для того, чтобы говорить о действительно важном. Многие театры начали ставить спектакли о молодежи и о том, что молодежь волнуется. Мне кажется, что, если в зале нет студенчества, уровень театра, требовательность артистов к себе почти всегда понижаются. У молодых есть та категоричность, которой не может быть у спокойного «взрослого» зрителя. Если им не интересен спектакль — они просто уходят. А если интересен — приходит снова и снова, по нескольку раз на каждую пьесу.

Радует, что вокруг театра сложилась устойчивая театральная публика — не фанатичные поклонники и поклонницы популярных артистов, а настоящие любители театра, молодые зрители искусства, ценители категоричные, но тонкие. И это, мне кажется, уже второе поколение зрителей, ощущающих потребность в театре и умеющих в нем разбираться.

Мы много ездили по стране в последнее время, и как-то все сошлось на том, что дома играть — приятнее всего. Не легче всего, во внутреннее, ответственнее. Понимаете, вот в Москве, например, в Театре Дружбы народов наш спектакль шел по-другому, с несколько первыми акцентами...

— Москвичей привлекала «сенсация»?

— Да, вот именно, а когда мы играем дома, никакого привкуса сенсационности нет — зритель приходит для того, чтобы сопереживать, думать вместе. Он знает язык нашего театра, мы очень хорошо чувствуем друг друга.

— Может быть, вы попробуете как-то определять словами эти тонкие, аллюзии между сценой и залом?

— Знаете, это ведь вырабатывается годами. Мне думается, что принципиально

люди, которые по существу заново формировали культурное сознание, и те, кто пришел за ними, очень многим им обязаны — даже самые самобытные и талантливые художники. Милтынис выстроил в Панаевежисе новую модель отношения со зрителем. Он уже давно не работает, но культура, воспитанность зрителя остались и даже распространились из Панаевежиса по всей Литве.

Очень жаль, что лучших, обновивших наш театр спектаклей Милтыниса не увидели в свое время Москва и другие города. Я не знаю сейчас спектаклей, равных его «Смерти коммивояжера» по пьесе А. Миллера.

— А можно ли выделить поколение, которое сейчас «задает тон» в литовском театре?

— Наверное, нет. Повас Вайткус старше многих, Некрошос — моложе, Тамуляс — еще моложе. Здесь вернее говорить о преемственности, об общих целях в искусстве у людей самых разных возрастов. И эта преемственность, если хотите — тоже одна из сложившихся традиций.

— Но, наверное, сохраняются и какие-то плодотворные традиции литовского театра, существовавшие и раньше? Был ведь когда-то «Театр молодых», возглавляемый учеником Мейерхольда Р. Юкиявичюсом. В Литве какое-то время работал и оставил по себе память Михаил Чехов...

— Конечно, конечно. Так не бывает, чтобы все возникало на пустом месте. Сохраняются традиции актерской игры, традиции культуры. Но мне думается все же, что и новый тип зрителя, и новый тип театра, которому мы сегодня многим обязаны, возник уже в новой, послевоенной Литве, и то не сразу.

Может быть, важны даже не столько старые театральные традиции — театр жалко, и тому же «Театру молодых», тому же Михаилу Чехову в довоенной Литве приходилось порой неслышно — сколько «корни» более

бьют в театру. Корни театральной игры, юмора, трагизма, импровизации — они есть, и они живы. Не только в представлениях, скажем, замечательно работающего в Вильнюсе «Этнографического театра», но во всей театральной культуре современной Литвы. Может быть, даже в последние годы мы гораздо глубже чувствуем, что они живы и животворны.

— Вы заговорила о корнях, о живом интересе к фольклору, и это заставляет спросить вот о чем. В последнее время стремление «держаться корней», стремление осознать и возродить культурные традиции — очень отчетливо и повсеместно. Но часто в нем остро обозначается боль, драматическое ощущение грозящей утраты (истинное или ложное — вопрос особый), чувство, что связь прерывается и обрубается — нужно спасать эти корни и спасаться самим, строить фольклорные театры, разучивать песни, вспоминать ритуалы — и немедленно, срочно, иначе будет поздно!.. Мне показалось, что в ваших словах нет этого драматизма, что связь с национальной традицией вы чувствуете как связь живую, прочную и свободно плодоносящую. Так ли?

— Да, наверное, так. И что очень важно — если раньше тяга к корням определяла, как правило, сознание людей зрелого возраста — сегодня она очень сильна у молодежи. В этом, как мне кажется, главная особенность нашей сегодняшней культурной жизни и главный залог наших реальных и возможных удач в искусстве.

Проблемы, конечно, есть, их даже много, но это не проблемы культурных утрат, а проблемы меняющейся жизни — так, наверное, нужно сказать. Проблема сытости, той материальной обеспеченности, которая становится иногда главной целью жизни и затмевает все — любовь к культуре, любовь к труду, любовь к своей земле. Это очень страшная угро-